

*КАСЯ
КУСТОВА*

СТЕНЫ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К94

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Кустова, Кася.

К94 Стены / Кася Кустова. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-220820-1

Иркутск. Начало двухтысячных. Героиня ищет себя между учебой, музыкой и первыми взрослыми чувствами. Влюбленности и дружба, поэтические ночи, роковые встречи и разрушительные страсти постепенно приводят ее к столкновению с внутренними «стенами», от которых невозможно убежать.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кустова К., текст, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-220820-1

*Все события, диалоги и герои,
включая рассказчицу, вымышлены.
Все совпадения с реальными людьми случайны.*

*Посвящается
Елене Владимировне Косиловой —
философу, писательнице
и моей научной руководительнице.*

ГЛАВА 1

История иркутского иныза позорна, как и моя собственная. Находится он в центре города, напротив старой, некогда элитной гостиницы «Ангара», а между ними — широкий, всегда залитый солнцем сквер имени Кирова.

Начнем с того, что иркутского иныза больше нет. В год моего выпуска вуз попал в список неэффективных, после — был расформирован и присоединен к Иркутскому государственному университету. Но когда там училась я, он еще был самостоятельным Иркутским государственным лингвистическим университетом. И состоял из двух зданий: классической советской постройки с колоннами и уродливой серой коробки девяностых годов — с широким остекленным коридором, где мы прогуливали пары.

У Иркутского музыкального училища, студенткой которого я тоже была, дела оказались лучше — в нем сделали свежий ремонт и присвоили ему имя Фредерика Шопена. Некоторые студенты мечтали, чтобы училище стало называться «Шопеновка», и пытались внедрять это назва-

ние в свою речь. Но звучало так искусственно, что никакая «Шопеновка» не прижилась — училище продолжили называть просто, по-свойски: «учло». Учло расположено на самой красивой улице Иркутска — Карла Маркса — среди витиеватых домов девятнадцатого века, делающих центр Иркутска немножко похожим на Питер. Много моих знакомых иркутян предпочло переехать после учебы в Питер: считали, Иркутск — это его демоверсия.

Я училась в этих учебных заведениях одновременно. Их соединяла короткая тенистая улица Сухэ-Батора, по которой я курсировала по несколько раз в день взад-вперед.

Иркутский иняз я просто ненавидела. Пары не вызывали у меня ничего, кроме раздражения. Мне хотелось переводить художественную литературу, но нам сказали, что такому учат только в Москве. Экономический, юридический и деловой перевод, которым мы занимались на семинарах, меня не интересовал, — на лекциях я дремала или рисовала в тетради каракули.

Но если в инязе у меня были друзья, с которыми мы могли сочинять каламбуры и зависать в буфете на переменах, то в музыкальном училище я чувствовала себя одинокой и по-настоящему несчастной. Педагоги на нас кричали, упрекая в бездарности и бестолковости, и обращались на ты. Доставалось нам и за внешность: мне говорили, что у меня ноги-тумбочки

и зуб как у Бабы-яги, что я уродливо смотрюсь на сцене. После этих слов мысли бросить училище и забыть о нем как о кошмарном сне становились все навязчивее. Однако, включая в плейере «Патетическую сонату» Бетховена и разучивая новый романс Чайковского или Римского-Корсакова, я тут же передумывала бросать музыку. Я так долго добивалась остроты слуха, отлаженности и звучания голоса, что было бы больно дать этому пропасть просто так. В коридоре училища кто-то нацарапал «Шуман», и каждый раз, когда эта надпись попадалась мне на глаза, я думала: музыка вечна и я буду любить ее, несмотря ни на что.

В учлю я поступила на год позже, чем в иняз. Поэтому, получив диплом переводчика (с долей сожаления об утраченных годах юности), я нацелилась на последний курс училища.

Чем больше я занималась музыкой, тем сильнее меня утомлял шум. Мои одноклассники с вокального отделения горланили на разные лады, распеваясь, отчего у меня болела голова. К тому же все они были младше, и я считала их глупее себя. Поэтому шла в коридор и садилась с книжкой, прислушиваясь иногда к чужим разговорам. Из всех, кто пел, записывал на коленке ноты, мучил инструмент и просто болтал, я выделила интеллектуальную элиту училища: компанию, состоящую из трех парней и двух девушек. Они сидели чинно, общались впол-

голоса и не издавали никакого шума. Мне нравилось подглядывать, какие они читают книжки: в ходу были Ницше, Гессе и Джойс. Ровно то, что любила я. Заговорить с ними я не решилась и обижалась, что они не обращают на меня внимания, — порой я нарочно садилась рядом, демонстративно открыв «умную» книгу. К слову, иногда они несли полную чушь — например, один паренек с уверенностью утверждал, что «Роман с кокаином» написал Набоков, но я стеснялась вмешаться и возразить.

Юные интеллектуалы оказались поклонниками Новой венской школы, Хиндемита и Стравинского. Одна из девочек была теоретиком, другая — дирижером хора, а парни занимались пианино, скрипкой и трубой. Они были немного восторженные, немного высокомерные, презирающие шумных необразованных однокурсников; мечтающие, что однажды в Иркутске поставят оперную гепталогию «Свет» Карлхайнца Штокхаузена. Я подслушивала незнакомые имена в их разговорах и дома с жадностью изучала новую музыку. Так я узнала о композиторе Альбане Берге и о его опере «Лулу». Главная героиня — порочная, роковая женщина, которая стала причиной множества мужских смертей, а впоследствии сама была убита Джеком-потрошителем. Меня захватил этот гиперсексуальный кровавый образ. Конечно же, я ассоциировала себя с Лулу.

Стены

Ее образ придал мне уверенности — накрашившись черной помадой, завалившейся со времен готической юности, я подошла к компашке и начала беседу о Берге:

— О, «Лулу». Очаровательная вещица. Я даже покупала билет на нее в Дрезденскую оперу. Только я не поехала. Я должна была лететь в Германию со своим любовником, но мы расстались прямо накануне поездки. Деньги за билеты нам не вернули.

Я драматически привирала. Точнее, это почти было правдой: сто лет назад я действительно собиралась ехать с одним малознакомым мальчиком в Германию, — но мы с ним не виделись в реале, а о постановке в Дрездене я узнала буквально вчера.

— В «Геликон-опере» в Москве ее тоже ставят. Но, говорят, это просто ужасно. — Я пренебрежительно махнула рукой. В общем, я хорошо подготовилась к первому разговору. Эффект был произведен: компашка смотрела на меня сияющими глазами.

— Ты же Нина Н.? Я видел твою ню-фотосессию в пабlike иркутских фотографов, — сказал пианист, посмотрев на меня с прищуром.

— Надеюсь, тебе понравилось, — ответила я кокетливо.

— Классные фотки, я даже себе сохранила. Ты очень смелая, — сказала девочка-теоретик, и я поняла, что принята в компанию.

Заводила компашки, пианист Марк, излучал радость и спокойствие. В Иркутске его называли «маленький фей» за внешность, как у мальчика-модели из *Tumblr*. Марку едва исполнилось восемнадцать лет, и он походил не только на модель, но и на персонажа фильмов Ксавье Долана. Он вел образ жизни, который казался мне, воспитанной в глубоко патриархальной семье, диким и безудержным: цедил много дешевого виски из элегантной фляжки, легко менял девушек, экспериментировал с запрещенными веществами. Мы писали друг другу одновременно, нам нравились одни и те же песни Дэвида Боуи и альбом *Pornography* The Cure. Я упустила тот момент, после которого наши встречи стали чаще, и не помню, как так вышло, что однажды мы взяли за руки и после уже их не отпускали. Мы упивались друг другом — это напоминало затяжной запой. Марк называл меня «огневолосям чудом», а я говорила, что он — Гелиан из стихотворений Тракия. У нас было много-много фотографий, снятых на ломографическую камеру; мы обменивались открытками и вели совместный дневник. Однажды я написала ему письмо и положила в маленький розовый конвертик — на нем значилось: «Любовное письмо для Марка». Он распечатал и прочитал его при мне. Сказал: «Я люблю жизнь, потому что я люблю тебя». В общем, розовые конвертики и розовые сопли — такой была наша юность.

Стены

Иркутск утопал в нежном облаке едва распустившихся листьев и в аромате цветущих яблонь. Украшенный рядами первомайских флажков, он выглядел обновленным. Мне хотелось лечь на скамейку в каком-нибудь дворе, чтобы оказаться под мягкими лучами солнца и закрыть глаза. Каждый день я зависала в моем городе до темноты и не боялась опоздать на последнюю маршрутку. Больше всего я ждала, когда наступит вечер, чтобы увидеть закат цвета конвертика для Марка и почувствовать ветер на обгоревшем лице. Усталость от ненавистной учебы давила, но весна заставляла меня воскресать каждое утро.

Во второй половине мая наступила ночь музеев. В Иркутском художественном музее посетителям на входе раздавали жестяные тазы — символ очищения души, часть перформанса, устроенного местным этно-джаз-проектом. Зрители сидели на них, поставив кверху дном. Я не видела Марка весь день, он был занят подготовкой к джазовому джему — отвечал на нем за звук, так он подрабатывал.

Мы с подругой стояли в музейном зале и слушали медитативную гулкую музыку. Вокалистка проекта, девушка с русалочьими волосами, играла на цимбалах и громко исполняла народные песни. В тот миг мне были безразличны все люди — эти звуки отдавались в моей груди эхом, словно в ней была пустота. Но в перерывах между музыкальными номерами я слышала неесте-